

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Банкротство: тенденции и актуальная судебная практика

Кудинова Мария Сергеевна

Главный юрист ООО «РАУД» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена обзору актуальной судебной практики по вопросам банкротства. Автором освещены поворотные судебные дела, имеющие значение для практикующих юристов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), конкурсные кредиторы, судебная практика по вопросам защиты прав кредиторов, оспаривание судебных актов кредиторов, возражения на требования кредиторов, оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, взыскание убытков, жалобы на действия арбитражного управляющего.

Судебная практика в сфере банкротства носит неустойчивый, изменчивый характер.

При рассмотрении различных категорий споров в процедурах несостоятельности суды смещают баланс, усиливая то прокредиторскую, то продолжниковую систему.

Анализ судебной практики в сфере банкротства за 2021 год выявил следующие ключевые тенденции:

1. Защита прав субсидиарных ответчиков.
2. Возможность изъятия единственного жилья (не являющегося предметом залога) гражданина-банкрота.
3. Уточнение критериев подозрительности сделок и кредиторской задолженности.

Тенденция 1. Защита прав субсидиарных ответчиков

Если с 2019 года прослеживалась устойчивая направленность арбитражной практики на расширение круга субсидиарных ответчиков, привлечение к ответственности реальных бенефициаров компании, то в 2021 году появился ряд судебных актов, расширяющих права таких лиц. Рассмотрим примеры подобных поворотных дел.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 21.05.21 № 302-ЭС20-23984

Фабула дела. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) муниципального унитарного предприятия его конкурсный управляющий обратился

в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц:

— бывшего руководителя предприятия на основании пункта 2 статьи 10 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) за неисполнение обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия;

— администрации городского поселения — собственника имущества предприятия на основании пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве за действия (бездействие), ставшие необходимой причиной банкротства предприятия.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, заявление управляющего удовлетворено частично, с бывшего руководителя в конкурсную массу предприятия в порядке привлечения к субсидиарной ответственности взыскано 9 121 402 рубля 8 копеек, в удовлетворении требования, предъявленного к администрации, отказано.

Мнение ВС РФ. ВС РФ направил данный обособленный спор на новое рассмотрение, поскольку суды не установили, имелся ли у руководителя должника план выхода из кризиса, являлся ли он разумным, следовал ли руководитель этому плану, в какой момент обычному руководителю стало бы ясно, что реализация данного плана не приведет к выходу из кризиса; также суды не дали надлежащей оценки представленным руководителем должника доказательствам; выводы судов по вопросу о привлечении руководителя должника к ответственности вступили в явное противоречие с выводами судов по поводу освобождения от ответственности администрации.

В частности, ВС РФ указал следующее: «...при разрешении вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве существенное значение имеет установление момента возникновения соответствующей обязанности. Этот момент определяется тем, когда обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и руководитель должника, должен был осознать такую степень критичности положения подконтрольной организации, которая объективно свидетельствовала о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования.

В рассматриваемом случае суды установили, что предприятие было создано для предотвращения угрозы срыва отопительного сезона 2015–2016 годов. Основную деятельность (деятельность по теплоснабжению) оно начало осуществлять с конца октября 2015 года, применяя по указанию администрации тарифы, установленные для предыдущих ресурсоснабжающих организаций, что, как отметили суды, являлось вынужденной мерой, вызванной необходимостью недопущения социальной напряженности среди потребителей, к числу которых относились население и учреждения социальной сферы. Суды указали на то, что

по итогам 2015 года, то есть спустя два месяца после начала деятельности, предприятие стало отвечать признаку недостаточности имущества, а 19.03.16 на стороне руководителя должника возникла обязанность по подаче заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Судебная коллегия не может согласиться с выводом судов о том, что обычный добросовестный и разумный руководитель предприятия, учрежденного в середине отопительного сезона для обеспечения реализации прав граждан на доступ к социально значимым благам в сфере коммунального обслуживания, находящийся в той же ситуации, что и руководитель должника, спустя столь короткий промежуток времени, прошедший со дня создания этого предприятия, и при отсутствии иной теплоснабжающей организации на территории п. Новая Игирма, расположенного в Восточной Сибири, не дожидаясь окончания отопительного сезона, принял бы решение об обращении в суд заявлением о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Наоборот, грамотный менеджер приступил бы к более детальному анализу ситуации, развивающейся на вновь образованном предприятии, что соответствует смыслу разъяснений, приведенных в подпункте 2 пункта 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 30.07.13 № 62 „О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица“. Согласно этим разъяснениям неразумными считаются действия директора, который до принятия решения не предпринял обычных для деловой практики при сходных обстоятельствах мер, направленных на получение информации, необходимой и достаточной для его принятия, в частности если при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

По результатам такого анализа не исключается возможность разработки и реализации экономически обоснованного плана, направленного на санацию должника, если его руководитель имеет правомерные ожидания преодоления кризисной ситуации в разумный срок, прилагает необходимые усилия для достижения результата (абзац второй пункта 9 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.17 № 53 „О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве“).

Наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, органами публичной власти, протоколами совещаний и т. п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для совершения противоправных действий, причиняющих вред кредиторам».

Таким образом, по мнению ВС РФ, при разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения директора к субсидиарной ответственности правовое значение имеют следующие обстоятельства:

- являлся ли план выхода из кризиса разумным в момент его принятия;
- когда негативные тенденции, продолжившиеся в ходе его реализации, привели предприятие в состояние, свидетельствующее о том, что план себя исчерпал.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.09.21 № 307-ЭС21-9176

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве гражданин К., привлекаемый к субсидиарной ответственности, обратился в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего и взыскании с него убытков, вызванных ненадлежащим формированием конкурсной массы должника (невзысканием дебиторской задолженности, подтвержденной судебными актами), а также незаконным ее уменьшением ввиду необоснованного привлечения специалистов и превышения лимитов выплат им.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции жалоба К. возвращена заявителю. Суд, руководствуясь положениями статей 34, 35 и 61.15 Закона о банкротстве, позицией, изложенной в пунктах 14 и 15 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.12 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее — постановление Пленума ВАС РФ № 35), исходил из того, что К. не относится к числу лиц, имеющих право подавать соответствующую жалобу. Суд указал, что лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности.

Суды апелляционной инстанции и округа поддержали данные выводы.

Мнение ВС РФ. Судебные акты отменены, вопрос направлен на новое рассмотрение, так как по существу жалоба не рассматривалась, судами допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов заявителя.

ВС РФ указал следующее: «На правовое положение контролирующего лица влияют два ключевых обстоятельства: 1) совокупный размер требований кредиторов к должнику и 2) объем конкурсной массы. Разница между двумя названными величинами и составляет размер ответственности контролирующего лица. Соответственно, контролирующему лицу должны быть предоставлены полномочия тем или иным образом влиять на две указанные величины, так как они ему объективно противопоставляются.

В своей жалобе на действия (бездействие) конкурсного управляющего К., руководствуясь положениями статей 20.3 и 129 Закона о банкротстве, ссылается на неисполнение конкурсным управляющим своей обязанности по взысканию дебиторской задолженности и на необоснованное расходование конкурсной массы, которые, по мнению заявителя, привели к нарушению законодательства о несостоятельности ввиду утраты возможности пополнения конкурсной массы должника, а также к убыткам на стороне должника.

Поскольку последствия подобных нарушений может нести К. как контролирующее должника лицо путем привлечения его к субсидиарной ответственности, заявитель при обращении в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего правомерно исходил из своей заинтересованности в должном формировании и расходовании конкурсной массы.

Контролирующее должника лицо, выбрав активную защиту своих прав в связи с возникновением обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности, не может быть лишено возможности на обращение в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего должника со ссылкой на отсутствие статуса основного участника дела о банкротстве в соответствии с положениями статьи 34 Закона о банкротстве. Доказанность наличия причинно-следственной связи между неправомерными действиями (бездействием) конкурсного управляющего и убытками на стороне должника и его кредиторов приведет ко взысканию с конкурсного управляющего в конкурсную массу должника денежных средств, что, как следствие, приведет к уменьшению размера возможной субсидиарной ответственности К. Иного способа защиты у контролирующего должника лица в рассматриваемом случае не имеется.

На основании изложенного, возвращая жалобу К., суд первой инстанции необоснованно отказал ему в доступе к правосудию, что не может быть признано соответствующим целям судебной защиты и задачам судопроизводства (статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации; далее — АПК РФ)».

С учетом данного определения суда в рамках некоторых иных дел ранее возвращенные аналогичные жалобы и заявления контролирующих лиц были также направлены для рассмотрения по существу в суды первых инстанций.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) также поддержал заданную тенденцию, вынеся **постановление от 16.11.21 № 49-П** по делу о проверке конституционности статьи 42 АПК РФ и статьи 34 Закона о банкротстве.

Фабула дела. Определением арбитражного суда первой инстанции от 12.01.16 в рамках дела о банкротстве общества признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника требования Федеральной налоговой службы (далее — ФНС) в размере 13 078 043 рублей 93 копеек.

Позднее определением от 31.07.19, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в рамках того же дела о банкротстве гражданин А. привлечен к субсидиарной ответственности по обязательствам общества солидарно с другими контролировавшими должника лицами, а производство по рассмотрению требований конкурсного управляющего в части установления размера такой ответственности приостановлено до окончания расчетов с кредиторами и формирования конкурсной массы. Опираясь на представленные доказательства, суды указали, что под руководством А. общество совершило ряд сделок, единственной целью которых было получение необоснованной налоговой выгоды в отсутствие фактической хозяйственной операции, вывод денежных средств на юридических лиц, используемых в схеме по обналичиванию, и это повлекло причинение должнику имущественного вреда.

Не согласившись с размером требований, признанных определением арбитражного суда от 12.01.16 обоснованными, А. обратился в апелляционный суд с жалобой на это определение и ходатайством о восстановлении срока для ее подачи. Определением апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением суда округа, производство по жалобе было прекращено. Суды со ссылкой на оспариваемые законоположения отклонили доводы заявителя об отсутствии у общества обязательств в указанном размере по отношению к конкретному кредитору и об экономической обоснованности конкретных сделок. Как было отмечено, приведенные доводы подлежат оценке по существу судом, рассматривающим спор о привлечении А. в числе прочих контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности; судебный же акт, принятый по результатам рассмотрения заявления одного из кредиторов о включении его требований в реестр требований кредиторов, непосредственно не затрагивает права и обязанности лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, а потому на таких лиц не распространяется действие статьи 42 АПК РФ; сам факт принятия иска, связанного с деятельностью таких лиц, не порождает обязанности суда в каждом обособленном споре по делу о банкротстве привлекать их к участию в деле; оснований для восстановления процессуального срока не найдено.

Определением ВС РФ гражданину А. отказано в передаче кассационной жалобы на состоявшиеся судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам.

Мнение КС РФ. У лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, должна быть возможность обжаловать решение о включении требований в реестр в части их размера за период, когда это лицо контролировало должника. Законодатель вправе определить порядок этого обжалования.

КС РФ указал следующее: «Законодатель, действуя в рамках предоставленных ему статьями 71 (пункт «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочий, при регулировании гражданско-правовых, в том числе корпоративных, отношений призван обеспечивать их участникам

справедливое, отвечающее их разумным ожиданиям, потребностям рынка, социально-экономической ситуации в стране, не ущемляющее свободу экономической деятельности и не подавляющее предпринимательскую инициативу соотношение прав и обязанностей, а также предусмотреть соразмерные последствия нарушения обязанностей, в том числе обязательств перед потребителями, меры и условия привлечения к ответственности на основе конституционно значимых принципов гражданского законодательства. Субсидиарная ответственность контролирующего общество лиц является мерой гражданско-правовой ответственности, функция которой заключается в защите нарушенных прав кредиторов общества, восстановлении их имущественного положения. При реализации этой ответственности не отменяется и действие общих оснований гражданско-правовой ответственности — для привлечения к ней необходимо наличие всех элементов состава правонарушения: противоправное поведение, вред, причинная связь между ними и вина правонарушителя. Лицо, контролирующее общество, не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих деятельности общества предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед кредиторами.

По смыслу правовых позиций КС РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина, включая судебную защиту (статьи 45 и 46 Конституции Российской Федерации), предполагает не только право лица обратиться в суд, иной юрисдикционный орган, но и возможность эффективно пользоваться теми полномочиями участника (стороны) разбирательства, которые дает ему процессуальное законодательство. В судебной практике должно обеспечиваться — с целью соблюдения конституционно-правового баланса интересов и принимая во внимание высшую юридическую силу и прямое действие Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1) — конституционное истолкование применяемых нормативных положений, исходя из чего в процессе осуществления дискреционных полномочий по определению состава, соотношения и приоритета норм, подлежащих применению в конкретном деле, суды должны следовать такому варианту их интерпретации, при котором исключается ущемление гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод (постановления от 23.02.99 № 4-П, от 23.01.07 № 1-П, от 21.01.19 № 6-П, от 20.01.21 № 2-П и др.).

При недостатке у должника средств для покрытия долгов, что является характерной ситуацией для процедуры банкротства, негативные последствия нередко несут контролировавшие должника лица, привлеченные к субсидиарной ответственности. Даже если в итоге расчеты с кредиторами осуществляются за счет сохранившегося имущества должника, до их завершения объем включенных в реестр требований также влияет на правовое положение субсидиарного

должника, во многом определяя состав и объем предпринятых обеспечительных мер и тем самым ограничивая его имущественные права. При этом включение всех возможных требований в реестр требований кредиторов затрагивает права и законные интересы этого лица и в том случае, когда оно непосредственно не названо в конкретном судебном акте. В рамках же обособленного производства контролировавшее должника лицо уже не имеет возможности оспорить размер задолженности должника перед кредитором и обоснованность включения соответствующего требования в реестр. Таким образом, наличие нормативного регулирования, позволяющего привлечь контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве, свидетельствует о необходимости обеспечения этих лиц и надлежащими средствами судебной защиты, включая возможность обжаловать судебное решение, принятое в рамках того же дела о банкротстве по результатам рассмотрения заявления кредитора о включении его требований в реестр требований кредиторов, в части определения размера данных требований за период, когда субсидиарный ответчик являлся контролирующим лицом по отношению к должнику.

Отсутствие в указанных случаях возможности обжаловать судебный акт ухудшает процессуальные возможности защиты прав этих лиц по сравнению с лицами, перечисленными в пункте 1 статьи 34 Закона о банкротстве, повышает риски принятия произвольного решения в части определения размера требований кредиторов в рамках дела о банкротстве, поскольку доводы лица, привлеченного к субсидиарной ответственности, остаются без внимания и тем самым создаются формальные препятствия для оценки такого решения на предмет его законности и обоснованности. Снижение уровня гарантий судебной защиты прав лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, нельзя признать справедливым и соразмерным в контексте предписаний статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, КС РФ считает необходимым признать статью 42 АПК РФ и статью 34 Закона о банкротстве в их взаимосвязи не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 19 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им судебной практикой, они не допускают возможности обжалования лицом, привлеченным к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, судебного акта, принятого без его участия, о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов за период, когда это лицо являлось контролирующим по отношению к должнику.

При этом федеральный законодатель не лишен возможности осуществить регулирование, направленное на обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений в рамках процедуры банкротства, в том числе в части определения порядка обжалования лицом — при его привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника — принятого без его участия

судебного акта о признании обоснованными требований кредиторов должника и о включении их в реестр требований кредиторов».

Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.12.21 по делу № А82-15093/2017

Фабула дела. Бывшие руководители общества солидарно привлечены к субсидиарной ответственности. Один из них был директором несколько лет, а второй назначен исполняющим обязанности руководителя за три месяца до начала банкротства.

Последний обжаловал привлечение к ответственности, сославшись на то, что в период его руководства общество не вело деятельность, он не подписывал документы, на основании которых требования кредиторов включены в реестр.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Суды пришли к выводу, что руководители не передали конкурсному управляющему документы общества, вследствие чего не сформирована конкурсная масса и не удовлетворены требования кредиторов. Последний руководитель не был номинальным, однако не представил имеющиеся документы управляющему и не истребовал недостающие документы у первого директора. Соответственно, нет оснований для снижения размера ответственности второго руководителя.

Мнение суда кассационной инстанции. Как установил суд, первый руководитель находится за пределами Российской Федерации, направлять запрос об истребовании документов общества по российскому адресу не имело смысла, а зарубежный адрес был неизвестен. Вину второго руководителя в умышленном сокрытии документов суд не установил и отметил, что размер субсидиарной ответственности существенно больше вреда, который руководитель причинил кредиторам; солидарная ответственность не отвечает принципу справедливости.

Суд указал: «Суды, определяя размер субсидиарной ответственности заявителя, не учли, что вина второго руководителя состоит не в умышленном сокрытии документов от конкурсного управляющего, а в ненадлежащем исполнении обязанности, связанной с получением документации от предыдущего руководителя, ненадлежащем ведении бухгалтерской документации за небольшой период времени руководства обществом».

На что еще обратить внимание?

Параллельно с защитой прав субсидиарных ответчиков суды также продолжают ранее заданный вектор по привлечению к такой ответственности. Внимания заслуживает **определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.12.21 № 308-ЭС17-15907(7)**, в котором указано на допустимость привлечения к субсидиарной ответственности по долгам банкротов их бенефициаров, даже если ранее с них взыскали долг как с поручителей.

Фабула дела. Определением арбитражного суда первой инстанции признано доказанным наличие оснований для привлечения гражданина Б., являвшегося с 12.07.13 по 03.02.16 единственным участником должника и с 24.10.02 по 16.01.16 его генеральным директором, к субсидиарной ответственности по обязательствам должника. Производство по рассмотрению заявления банка о привлечении Б. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника приостановлено до окончания расчетов с кредиторами.

13.05.20 производство по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности возобновлено.

Суды установили, что сумма непогашенных требований банка, включенных в реестр требований кредиторов, составляет 226 098 139 рублей 74 копейки.

Мнение суда первой инстанции. Разрешая вопрос о размере субсидиарной ответственности Б. в рамках данного дела о банкротстве, суд первой инстанции пришел к выводу, что требования банка к поручителю Б. подлежат включению в размер его субсидиарной ответственности по обязательствам основного заемщика как контролирующего должника лица.

Отклоняя довод Б. о двойном характере ответственности по обязательствам перед банком, суд первой инстанции исходил из различия оснований ответственности поручителя и субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, указав на то, что субсидиарная ответственность представляет собой деликтную ответственность, а ответственность поручителя следует из гражданско-правовых отношений. При этом исполнение Б. решения суда от 28.11.16 о взыскании с ответчика денежных средств как с поручителя в пользу банка влечет уменьшение размера договорного обязательства должника и, как следствие, размера субсидиарной ответственности Б.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Частично отменяя определение суда первой инстанции, апелляционный суд, руководствуясь положениями пункта 2 части 1 статьи 150 АПК РФ, исходил из необходимости прекращения производства по части требований к Б. ввиду наличия совпадения по предмету, основанию и сторонам в предъявленном банком к Б. гражданском иске, рассмотренном судом общей юрисдикции (решение от 28.11.16). Коль скоро банк заявил прямой иск к руководителю должника о возмещении причиненного вреда вне рамок дела о банкротстве, то, по мнению апелляционного суда, банк фактически выбрал способ распоряжения принадлежащим ему требованием.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции о тождестве заявленных банком требований.

Мнение ВС РФ. Оставлен в силе судебный акт первой инстанции. Суд указал, что наличие судебного акта о взыскании с контролирующего должника лица задолженности по договору поручительства не является причиной для отказа в его привлечении к субсидиарной ответственности. Ответственность поручителя не тождественна его субсидиарной ответственности.

ВС РФ, в частности, указал следующее: «При разрешении вопроса о наличии или отсутствии тождественности предъявленных кредитором к Б. требований судам необходимо изучить правовую природу самих обязательств.

Законодатель разделяет обязательства по основаниям их возникновения, указывая, в том числе, что они могут возникнуть как из договоров и других сделок, так и вследствие причинения вреда (пункт 2 статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее — ГК РФ).

Ответственность поручителя перед кредитором связана с исполнением гражданско-правовой сделки — соответствующего договора, предусмотренного параграфом 5 главы 23 ГК РФ, и состоит в том, что поручитель должен нести ответственность за основного должника.

Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица по обязательствам должника является формой ответственности за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица — неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства (статья 1064 ГК РФ).

Размер субсидиарной ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица определен в пункте 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве в предыдущей редакции) и равен совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам, оставшихся не погашенными по причине недостаточности имущества должника. Таким образом, в размер субсидиарной ответственности включается размер непогашенных требований кредиторов, что и является предполагаемым объемом вреда, который причинен контролирующим должника лицом.

Следовательно, ответственность Б. перед банком за неисполнение гражданско-правовой сделки и за причинение вреда, несмотря на совпадение кредитора по данным обязательствам, имеет разную правовую природу, что, в свою очередь, делает возможным предъявление банком требований по каждому из оснований.

Выводы судов апелляционной инстанции и округа о применении в данном деле правовой позиции Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, изложенной в определении от 03.07.20 № 305-ЭС19-17007(2), судебная коллегия находит ошибочными, поскольку в указанном деле разрешался вопрос о соотношении гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, и требования о привлечении к субсидиарной ответственности. Поскольку оба этих иска являются разновидностью иска о возмещении вреда (статья 1064 ГК РФ), судебная коллегия пришла к выводу об их тождестве. В

настоящем деле такая тождественность отсутствует по вышеизложенным основаниям.

Таким образом, в ситуации, когда исполнение обязательств должника перед кредитором обеспечено поручительством лица, являющегося одновременно контролирующим основного должника лицом, наличие судебного решения о взыскании с такого лица задолженности по договору поручительства само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявления о привлечении его к субсидиарной ответственности в качестве контролирующего должника лица».

Заслуживает внимания **Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства об ответственности контролирующих лиц**, утвержденный на заседании президиума Арбитражного суда Уральского округа 25 июня 2021 года.

Арбитражный суд Уральского округа представил обзор практики по вопросам привлечения контролирующих лиц к ответственности из 11 пунктов, раскрывающих факты, которые должны быть оценены судами при рассмотрении соответствующих обособленных споров.

1) Если спор о привлечении к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства касается обязанности бывшего руководителя передать конкурсному управляющему документацию, нужно оценивать действия и руководителя, и управляющего по передаче и приему документации.

Как в законодательстве о банкротстве, так и в нормах корпоративного права отсутствует детальная регламентация порядка передачи документации от бывшего руководителя. Соответственно, оценка довода истца о ненадлежащем исполнении обязанности по передаче документации должна производиться судом в каждом конкретном случае с учетом критериев разумности и эффективности, предполагающих достижение итогового результата с наименьшими временными, трудовыми и финансовыми затратами. Судом могут быть приняты во внимание наличие у должника помещения, в котором находится документация, сохранение штата сотрудников, ответственных за ведение и сохранность документов бухгалтерского и налогового учета, масштаб деятельности должника, планируемый объем подлежащей передаче документации и тому подобные обстоятельства.

2) Наличие кредиторской задолженности само по себе не свидетельствует об объективном банкротстве управляющей многоквартирными домами компании. Нужно устанавливать такие показатели хозяйственной деятельности, которые отражают наступление финансового кризиса (когда погасить долги перед кредиторами заведомо невозможно).

У стабильной и эффективно действующей управляющей компании размер дебиторской задолженности населения и размер кредиторской задолженности

перед поставщиками коммунальных ресурсов сопоставимы и не свидетельствуют об убыточности организации.

В силу указанного само по себе наличие на стороне должника неисполненных обязательств перед кредиторами не влечет для руководителя безусловной обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве управляющей компании, конкурсному управляющему необходимо доказать, что в определенный период времени наступили обстоятельства, очевидно указывающие на то, что продолжение прежней деятельности объективно невозможно.

Таковыми экстраординарными ситуациями, при которых возникает обязанность должника — управляющей организации по подаче в суд заявления о собственном банкротстве, могут быть: лишение лицензии на право осуществления деятельности; выбытие многоквартирных домов из управления должника; очевидное превышение кредиторской задолженности компании перед поставщиками коммунальных ресурсов над дебиторской задолженностью населения, продолжительный рост такой кредиторской задолженности; неэффективность проведенных мероприятий по взысканию дебиторской задолженности и тому подобное.

3) Наличие только внутригрупповой задолженности само по себе не является основанием для обязательного инициирования руководителем банкротства компании.

В обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно и разумно, не имеют объективных причин взыскивать долги друг с друга, возбуждать в отсутствие внешних кредиторов дела о банкротстве, поскольку они стремятся оптимизировать внутригрупповую задолженность, поэтому в ситуации наличия задолженности одного члена группы по отношению к другому члену группы предполагается, что в ее основе лежит договоренность между членами группы, определяющая условия взаиморасчетов. При этом наличие между ними доверительных отношений, их подчиненность единому центру позволяют таким организациям выстраивать общую линию поведения, заключать соглашения об исполнении обязательств друг друга без надлежащего юридического оформления и т. п.

4) Контролирующее должника лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, вправе приводить доводы об отсутствии у должника обязательств перед конкретным кредитором, в том числе и при наличии судебного акта, подтверждающего требования. Суд должен оценить такие доводы, а бремя доказывания названных обстоятельств возлагается на контролирующее должника лицо.

Доводы о фактическом отсутствии у должника обязательств по отношению к кредиторам, а также об экономической необоснованности совершения спорных сделок должны быть рассмотрены судами по существу в рамках спора о привлечении к субсидиарной ответственности в целях установления размера

ответственности контролирующих должника лиц. Для опровержения таких возражений недостаточно указания на наличие вступившего в силу судебного акта.

5) Основанием для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности могут выступать их согласованные действия по прекращению деятельности должника и переводу ее на новое юридическое лицо.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности. Таким решением признана формальная смена юридического лица.

6) Если конкурсные кредиторы приняли решение продолжать убыточную деятельность должника, то текущие обязательства, возникшие в результате осуществления этой деятельности, не включаются в размер субсидиарной ответственности.

Учитывая, что с момента введения в отношении должника процедуры банкротства контролирующие должника лица утратили возможность принимать деловые решения и определять действия должника, ответственность за принятие решения о продолжении производственной деятельности и неблагоприятные имущественные последствия такого решения не могут быть возложены на контролирующих должника лиц.

7) Если с руководителя должника взыскиваются убытки, причиненные перечислением им средств за товар, стоимость которого в бухгалтерской документации искажена, размер убытков может быть уменьшен на подтвержденную ответчиком действительную стоимость полученного должником товара.

Именно ответчик вправе раскрыть сведения и документы, позволяющие установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделке, доказать действительную стоимость поставленного товара, выполненной работы, оказанной услуги и таким образом вывести фактически совершенные хозяйственные операции из теневого оборота.

8) Удовлетворение заявления о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности в меньшем размере по сравнению с заявленным не является основанием для взыскания в его пользу судебных расходов.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении КС РФ от 24.06.14 № 1469-О, критерием присуждения расходов на оплату услуг представителя является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования, что связано с оценкой надлежащего (или ненадлежащего) исполнения сторонами своих гражданско-правовых обязательств, которая дается в ходе рассмотрения спора по существу.

Процессуальным законодательством закреплён компенсационный принцип возмещения участнику спора необходимо понесённых им разумных расходов, связанных с инициированием разбирательства и вовлечением его в судебный процесс, за счёт неправо́й стороны спора.

9) Размер субсидиарной ответственности может быть пересмотрен по новым обстоятельствам, если изменился совокупный размер требований конкурсных кредиторов должника.

Применительно к пункту 1 части 3 статьи 311 АПК РФ и с учётом принципа эффективности правовой защиты, соразмерности средств защиты нарушенным правам и мерам их восстановления изменение размера реестровой задолженности, положенного в основу при определении размера субсидиарной ответственности, будет являться новым обстоятельством, влекущим за собой возможность пересмотра судебного акта о взыскании с контролирующих должника лиц денежных средств в порядке субсидиарной ответственности.

10) Вопрос о взыскании с руководителя убытков, причинённых совершением сделки, должен решаться с учётом особенностей деятельности должника, мотивов и обстоятельств заключения сделки.

В подобных ситуациях основополагающим моментом является включение в предмет исследования наличия доказательств того, что директор должника, заключая спорные договоры, действовал недобросовестно либо проявил грубую неосторожность. Это обстоятельство устанавливается через определение судом в каждом случае такого стандарта поведения, при котором обычный, разумный и добросовестный руководитель, поставленный в ту же ситуацию, что и руководитель должника, должен был осознать такую высокую степень рисков неисполнения обязательств со стороны контрагента, которая объективно нивелировала возможные выгоды от заключения и исполнения договора.

Однако сами по себе установленные судами факты не свидетельствуют о выходе поведения ответчика за рамки обычного предпринимательского риска.

11) При взыскании убытков с бывшего руководителя в ситуации скрытого от участников общества конфликта интересов бремя доказывания отсутствия вины в нарушении добросовестности возлагается на этого руководителя.

Одним из правил добросовестного управления возглавляемым обществом является недопустимость совершения действий в собственных предпринимательских интересах или в интересах члена семьи в нарушение принципов корректного управления обществом.

Тенденция 2. Возможность изъятия единственного жилья (не являющегося предметом залога) гражданина-банкрота

Единственное жилое помещение (не обременённое залоговыми правами), принадлежащее гражданину-должнику, является активом, в отношении которого

предусмотрен особый правовой режим обращения взыскания как в рамках исполнительного производства, так и в процедурах банкротства.

На протяжении длительного времени такое имущество обладало практически абсолютным иммунитетом от возможности обращения на него взыскания.

Однако в 2021 году прослеживается существенное изменение подхода судов к данному вопросу.

Правовые позиции, изложенные в постановлении КС РФ от 26.04.21 № 15-П (далее — постановление № 15-П):

— сами по себе правила об исполнительском иммунитете не исключают возможность ухудшения жилищных условий должника и членов его семьи;

— ухудшение жилищных условий не может вынуждать должника помимо его воли к изменению поселения, то есть предоставление замещающего жилья должно происходить, как правило, в пределах того же населенного пункта (иное может быть обусловлено особенностями административно-территориального деления, например существованием крупных городских агломераций (компактно расположенных населенных пунктов, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями));

— отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма;

— отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный экономический смысл как способ удовлетворения требований кредиторов, а не быть карательной санкцией (наказанием) за неисполненные долги или средством устрашения должника, в связи с чем необходимым и предпочтительным является проведение судебной экспертизы рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего (это влечет за собой необходимость оценки и стоимости замещающего жилья, а также издержек конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого).

Данные постулаты используются ВС РФ в его определениях.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.07.21 № 303-ЭС20-18761

В данном определении сформулированы первые правила изъятия единственного жилья.

Фабула дела. В ходе процедуры реализации имущества гражданина Б. он обратился в суд с заявлением, в котором просил исключить из конкурсной массы земельный участок и жилой дом.

Суды установили, что с апреля 2004 по май 2020 года Б. был зарегистрирован по месту жительства в квартире, принадлежащей его матери (в г. Хабаровске). После принятия судом решения о его банкротстве он зарегистрировал за собой право собственности на жилой дом (16.01.20), затем изменил место своей регистрации и в тот же день (08.05.20) обратился в суд с требованием об исключении земельного участка и жилого дома из конкурсной массы.

Финансовым управляющим из принадлежащего должнику имущества выявлены только жилой дом и земельный участок.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении ходатайства об исключении из конкурсной массы должника жилого дома и земельного участка отказали, отметив, что регистрация права собственности, а также регистрация по месту жительства произведены должником в процедуре банкротства с целью наделить дом имущественным иммунитетом и вывести из конкурсной массы. Суд округа исключил участок и дом из конкурсной массы.

Мнение ВС РФ. Судебные акты отменены, обособленный спор направлен на новое рассмотрение, так как судами не дана оценка обстоятельствам, касающимся прав должника и иных лиц на спорную квартиру, ее характеристик, имеющим существенное значение для правильного разрешения вопроса о распространении исполнительского иммунитета на жилой дом и земельный участок.

По мнению ВС РФ (с учетом позиции КС РФ, изложенной в постановлении № 15-П):

- приобрести более скромное замещающее жилье гражданину может не только кредитор, но и финансовый управляющий путем продажи имущества должника. При этом право собственности на имеющийся дом не должно быть прекращено ранее возникновения права на замещающее жилье;

- необходимо предусмотреть возможность прекращения торгов по продаже жилья, если цена упала настолько, что конкурсная масса не пополнится эффективно;

- кредитор, приобретая новое жилье должнику, несет риски того, что его затраты на покупку не будут покрыты выручкой от продажи недвижимости банкрота;

- вопрос о приобретении замещающего жилья сперва должен выноситься на обсуждение собрания кредиторов, которое созывает финансовый управляющий по своей инициативе либо по требованию кредитора или должника; только после этого вопрос об ограничении исполнительского иммунитета передается на рассмотрение суда;

- если гражданин отвечает как поручитель, можно предусмотреть продажу жилья только в случае, если недостаточно имущества основного должника.

ВС РФ отметил: «КС РФ, давая в постановлении от 14.05.12 № 11-П (далее — постановление № 11-П) оценку конституционности положениям абзаца второго части 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), указал, что исполнительский иммунитет в отношении жилых помещений предназначен не для того, чтобы в любом случае сохранить за гражданином-должником принадлежащее ему на праве собственности жилое помещение, а для того, чтобы, не допуская нарушения самого существа конституционного права на жилище и умаления человеческого достоинства, гарантировать гражданину-должнику и членам его семьи уровень обеспеченности жильем, необходимый для нормального существования (абзац первый пункта 4 мотивировочной части постановления).

Гарантии жилищных прав членов семьи собственника жилого помещения закреплены в статье 31 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ).

По общему правилу члены семьи собственника жилого помещения имеют право пользования данным жилым помещением наравне с самим собственником (часть 4 статьи 31 ЖК РФ).

Как разъяснено в пункте 11 постановления Пленума ВС РФ от 02.07.09 № 14 „О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации“, членами семьи собственника жилого помещения являются проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Для признания названных лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении.

В том случае, если гражданин на основании части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования (пользуется) жилым помещением, принадлежащим его родителю, наравне с собственником, обращение взыскания на жилые помещения такого гражданина, принадлежащие ему на праве собственности, возможно.

Если должник в преддверии банкротства или в ходе рассмотрения дела о несостоятельности в ущерб интересам взыскателя совершает односторонние действия, направленные на изменение регистрации по месту жительства, с исключительной целью создания объекта, защищенного исполнительским иммунитетом, такие действия могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. В этом случае суд вправе применить к должнику предусмотренные законом последствия злоупотребления — отказать в применении исполнительского иммунитета к упомянутому объекту (пункты 1 и 2 статьи 10 ГК РФ).

Среди обстоятельств, которые имеют значение при оценке поведения должника на предмет добросовестности, помимо прочего, следует учесть и сопоставить, с одной стороны, моменты предъявления претензии, иска о взыскании долга, вынесения решения о присуждении, возбуждения

исполнительного производства, дела о несостоятельности, а также извещения должника об этих событиях и, с другой стороны, причины изменения регистрации по месту жительства — было ли это изменение фиксацией положения дела, фактически сложившегося задолго до предъявления кредитором требования, или оно направлено на уклонение от погашения долга, имелись ли какие-либо особые объективные причины, побудившие должника сменить место жительства без намерения причинить вред кредитору (болезнь близкого родственника, повлекшая необходимость ухода за ним, закрытие расположенного в населенном пункте единственного образовательного учреждения, в котором обучались несовершеннолетние дети должника, прекращение деятельности градообразующего предприятия, на котором трудились должник и члены его семьи, и т. п.). <...>

Местом жительства гражданина признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает (пункт 1 статьи 20 ГК РФ). Закон Российской Федерации „О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации“ устанавливает, что под местом жительства гражданина понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Поскольку в Российской Федерации в силу уведомительного характера регистрационного учета граждан по месту жительства уполномоченные государственные органы лишь удостоверяют акт свободного волеизъявления гражданина о выборе им места жительства, предполагается, что такое место определяется данными регистрационного учета.

Указанная презумпция является опровержимой. Должник, а также прочие заинтересованные лица не лишены возможности подтвердить данные о другом фактическом месте жительства гражданина совокупностью иных доказательств, что согласуется со сложившейся судебной практикой (постановления Пленума ВС РФ от 02.07.09 № 14 „О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации“ (абзац шестой пункта 11) и от 29.05.12 № 9 „О судебной практике по делам о наследовании“ (абзац третий пункта 17, абзац второй пункта 36)). <...>

Суд округа обратил внимание на то, что КС РФ в постановлении № 11-П изложил правовой подход, исключающий возможность разрешения правоприменителем вопроса о допустимости приобретения должнику иного жилого помещения меньшей площади до установления законодателем правил предоставления замещающего жилья.

Вместе с тем после принятия окружным судом обжалуемого постановления КС РФ принято постановление № 15-П, в котором констатировано многолетнее законодательное бездействие и указано на то, что со вступления в силу постановления № 15-П абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ в дальнейшем не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, в нем указанные, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета.

Согласно части 5 статьи 79 Федерального конституционного закона от 21.07.94 № 1-ФКЗ „О Конституционном Суде Российской Федерации“ суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления КС РФ (включая дела, производство по которым возбуждено и решения предшествующих судебных инстанций состоялись до вступления в силу этого постановления КС РФ) не вправе применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным КС РФ истолкованием.

Таким образом, судебная коллегия считает необходимым учесть правовые позиции, изложенные в постановлении № 15-П».

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 30.08.21 № 307-ЭС21-8025

В данном деле суд подробно разобрал мотивы поведения сторон и установил злоупотребление правом.

Фабула дела. В деле о банкротстве гражданина оспаривалась цепочка сделок по отчуждению жилой недвижимости. У должника в собственности имелись однокомнатная и четырехкомнатная квартиры. Должник и супруга заключили брачный договор, по условиям которого вся приобретенная на момент заключения договора в период брака недвижимость переходит в единоличную собственность супруги, а имущество, приобретенное после заключения договора, является единоличной собственностью того супруга, на чье имя оно будет приобретено. Впоследствии брак был расторгнут. Четырехкомнатную квартиру гражданин продал третьему лицу, которое вскоре перепродало ее бывшей супруге должника.

Мнение суда первой инстанции. Удовлетворяя заявление финансового управляющего об оспаривании сделки и отклоняя возражения о распространении исполнительского иммунитета на четырехкомнатную квартиру, суд указал, что на момент продажи она не являлась единственной. Должник и члены его семьи обеспечены однокомнатной квартирой, в которой ранее были зарегистрированы супруга и дети; площадь данной квартиры соответствовала учетной норме площади жилого помещения на одного человека в Санкт-Петербурге. Суд также учитывал, что, реализовав квартиру в Солнечном, вырученные денежные средства (за вычетом суммы ипотечного кредита, выплаченного залогодержателю) должник передал супруге, что ею не оспаривалось. В конкурсную массу должника денежные средства от продажи данной квартиры не поступили. В этой связи суд

счел недобросовестными действия по регистрации супруги и детей в четырехкомнатной квартире.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Суды отменили определение и отказали в удовлетворении заявления. Суд округа также указал, что мотивы отчуждения должником жилого помещения не имеют правового значения для целей оспаривания сделки.

Мнение ВС РФ. Оставлен в силе судебный акт первой инстанции, поскольку оспариваемые договоры не были направлены на достижение правового результата, предписанного для такого рода сделок законом.

ВС РФ определена отправная точка совершения должником активных действий с четырехкомнатной квартирой и способствовавших ее выводу из конкурсной массы мероприятий — инициация процедуры взыскания кредиторской задолженности банком.

По мнению суда, это одновременно объясняет мотивы поведения сторон и причину, по которой ранее свободная от каких-либо притязаний на протяжении десяти лет четырехкомнатная квартира становится местом регистрации супруги и детей должника (ранее проживавших на протяжении длительного периода времени в однокомнатной квартире и до этого не претендовавших на улучшение жилищных условий за счет имевшихся в собственности должника жилых помещений), предметом брачного договора, а затем и оспариваемой цепочки сделок.

Действия по смене регистрации супруги и детей должника являлись недобросовестными, совершенными исключительно с целью распространения исполнительского иммунитета на четырехкомнатную квартиру. Брачный договор и последующее расторжение брака супругами также способствовали преследуемой сторонами цели вывода актива на супругу как заинтересованное лицо и дополнительной защите от притязаний кредиторов, открыли возможность (применительно к положениям статьи 31 ЖК РФ) для возможного прекращения права пользования должником однокомнатной квартирой.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.10.21 № 304-ЭС21-9542(1,2)

Фабула дела. Гражданин имел задолженность по уплате налогов и по возврату кредитных средств. В то же время он на своем земельном участке построил дом и поставил его на учет. Далее указанную недвижимость должник подарил своему несовершеннолетнему сыну. После заключения данной сделки и введения процедуры банкротства гражданин и его семья зарегистрировались в подаренном доме.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Дело прошло два круга рассмотрения до кассационной инстанции. При повторном рассмотрении окружным судом вынесено постановление об отказе в удовлетворении заявления финансового управляющего об оспаривании сделки

должника. Суд кассационной инстанции не усмотрел в действиях гражданина злоупотребления правом ввиду недоказанности постройки спорного жилого дома только за счет займов. Как указал суд, подаренное должником жилье является для него единственным, защищено исполнительским иммунитетом и оспаривание дарения не приведет к наполнению конкурсной массы.

Мнение ВС РФ. Обособленный спор направлен на новое рассмотрение, поскольку исполнительский иммунитет не предназначен для сохранения за должником принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения, если доказано, что ситуация с единственно пригодным для постоянного проживания помещением создана должником со злоупотреблением правом.

ВС РФ указал: «Выводы окружного суда о бесперспективности оспаривания сделки по отчуждению гражданином М. земельного участка и жилого дома основаны на нормах пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, части 1 статьи 446 ГПК РФ и на пункте 4 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.18 № 48 „О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан“. Окружной суд, истолковав исполнительский иммунитет как абсолютный запрет на обращение взыскания на единственное жилье, исходил из того, что даже при доказанности всех пороков сделки возврат земельного участка и дома в конкурсную массу должника невозможен ввиду проживания должника и членов его семьи в спорном доме, являющемся для них единственно пригодным для постоянного проживания помещением.

Однако эти выводы противоречат толкованию института исполнительского иммунитета, данному КС РФ в постановлении № 15-П при оценке конституционности части 1 статьи 446 ГПК РФ.

КС РФ указал, что абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ не может служить нормативно-правовым основанием безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, в нем указанные, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета. <...>

Правовая позиция ВС РФ по судебному утверждению условий и порядка предоставления замещающего жилья и прочим практическим вопросам ограничения исполнительского иммунитета к единственному жилью ранее изложена в определении от 26.06.21 № 303-ЭС20-18761, где помимо прочего указано, что для оценки рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего, необходимо и предпочтительно проведение судебной экспертизы. Кроме того, судебной оценке подлежит стоимость замещающего жилья и издержки конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого. Выяснение данных обстоятельств имеет значение в том числе и при оспаривании сделок должника для оценки перспективы применения ограничения исполнительского иммунитета».

По данной тематике заслуживает внимания **постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.11.21 по делу № А65-27554/2020**, при рассмотрении которого должник добровольно отказался от применения к жилью исполнительского иммунитета.

Фабула дела. Определением арбитражного суда из конкурсной массы гражданина-должника исключено недвижимое имущество — квартира в г. Воркуте, поскольку данное имущество признано единственным пригодным для проживания должника. Должник был не согласен с исключением спорного жилого помещения из конкурсной массы, поскольку постоянным местом жительства должника является г. Казань, в г. Воркуту возвращаться он не планировал. Гражданин отметил, что спорная квартира находится в достаточной отдаленности от места его проживания и необходимость в ней отсутствует. Владение данным имуществом подразумевает несение постоянных расходов (налоговые платежи, коммунальные услуги), которые должник как пенсионер нести не в состоянии. Должник указал, что вопрос об исключении единственного жилья из конкурсной массы должен быть согласован с ним самим и включение данной квартиры в конкурсную массу для реализации на торгах не нарушает права кредиторов и способствует максимальному погашению задолженности.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Разрешая разногласия, возникшие между финансовым управляющим и должником, в порядке статьи 60 Закона о банкротстве и исключая спорную квартиру из конкурсной массы должника, суды ссылались на положения статьи 446 ГПК РФ и, указав на отсутствие сведений об обременении ипотекой квартиры, расположенной в г. Воркуте, являющейся собственностью должника, пришли к выводу, что указанное жилое помещение обладает исполнительским иммунитетом в силу прямого указания закона.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано, поскольку установлено, что должник согласен на включение в конкурсную массу и реализацию на торгах спорной квартиры.

Суд указал: «Учитывая наличие возражений должника на исключение спорного имущества из конкурсной массы, принимая во внимание, что волеизъявление должника направлено на пополнение его конкурсной массы, несмотря на те негативные последствия, которые ожидают должника в результате признания его банкротом, и его действия не противоречат целям и задачам процедуры банкротства, у судов отсутствовали основания не согласиться с доводами должника о включении спорного имущества в конкурсную массу».

В свете реализации единственного жилья обращает на себя внимание **постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.21 по делу № А60-66150/2019**.

В признании недействительными решений собрания кредиторов гражданина-банкрота об обращении взыскания на единственное жилье должника, не отвечающее принципу разумности (излишняя жилая площадь), отказано, так как не доказано нарушение прав должника и членов его семьи.

Фабула дела. Собранием кредиторов гражданина приняты решения о признании жилого дома предметом роскоши, о его реализации вместе с земельным участком и приобретении семье должника замещающего жилья исходя из санитарных норм жилплощади.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. Суд первой инстанции нарушения прав и законных интересов должника и членов его семьи не установил и признал, что оспариваемые решения собрания кредиторов нормам действующего законодательства не противоречат. В определении указал на то, что сами по себе решения собрания кредиторов, направленные на преодоление отсутствия законодательного регулирования механизма обращения взыскания на единственное жилье должника, не отвечающее принципу разумности (излишняя жилая площадь) в данном конкретном случае, не могут считаться недействительными. Принятие указанных решений на собрании кредиторов в любом случае предусматривает обращение финансового управляющего в суд с соответствующим процессуальным заявлением, поскольку данный вопрос относится к компетенции суда.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции в части отказа в признании недействительными решений собрания кредиторов по двум пунктам повестки дня (о приобретении замещающего жилья и о возложении на финансового управляющего обязанности обратиться в суд с ходатайством об утверждении порядка продажи единственного жилья должника) не согласился, определение суда в указанной части отменил, признал данные решения недействительными.

Апелляционный суд сделал вывод о том, что приобретение должнику замещающего жилья за счет вырученных от продажи жилого дома и земельного участка денежных средств может привести к ущемлению его прав на жилище, поскольку предоставление такого замещающего жилья до момента утраты права собственности на дом гражданину не гарантировано. По мнению суда, оспариваемые решения не предусматривают реального механизма наделения должника иным жильем помимо дома, не учитывают права иных зарегистрированных в нем лиц, в том числе троих несовершеннолетних детей. Порядок предоставления жилья должнику и его семье на период после продажи дома не конкретизирован, не понятны сроки предоставления, не ясно, на каком праве будет предоставлено, когда и каким образом новое жилье поступит в собственность должника.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, спор передан на новое рассмотрение.

Суд указал: «Суды признали принципиальную возможность реализации указанного имущества, в том числе исходя из правовой позиции, изложенной в постановлении № 15-П, однако по существу разногласия между должником и его кредиторами не рассмотрели, не исследовали и не оценили, имеются ли в данном конкретном случае необходимые основания для отказа в применении исполнительского иммунитета к единственному жилью должника, как на этом настаивают кредиторы и против чего возражает должник.

Делая вывод о том, что оспариваемые решения собрания кредиторов о признании жилья роскошным и подлежащим продаже права должника и иных лиц не нарушают, поскольку представляют собой консолидированное мнение кредиторов о допустимом источнике формирования конкурсной массы, суды вместе с тем не учли, что соответствующие решения влекут определенные правовые последствия, в частности предполагают подготовку порядка продажи указанного жилья, разработку механизма предоставления замещающего жилья с последующей передачей указанных вопросов на рассмотрение арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве.

Представляется, что в силу закона рассмотрению указанных вопросов должно предшествовать разрешение вопроса о том, подлежит ли указанное жилье реализации либо имеются основания для исключения данного имущества из конкурсной массы в соответствии с пунктом 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве и абзацем вторым части 1 статьи 446 ГПК РФ. По этому поводу, как уже было отмечено, между кредиторами и должником имеются разногласия, неразрешение данных разногласий оставляет должника в состоянии правовой неопределенности относительно дальнейшей судьбы его жилища.

Признание законными оспариваемых решений собрания кредиторов должника, по сути, означает, что суды с позицией кредиторов согласились и признали реализацию жилья допустимой, в то время как фактические основания для этого не проверены и не установлены, выводы о том, что жилой дом по своим характеристикам явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности должника и членов его семьи в жилище, и реализация указанного имущества с учетом всех обстоятельств дела является экономически целесообразной — вырученных средств будет достаточно как для погашения требований кредиторов, так и для приобретения должнику нового жилья, судами не сделаны».

Тенденция 3. Уточнение критериев подозрительности сделок и кредиторской задолженности

Оспаривание сделок в процедурах банкротства является одним из важных механизмов пополнения конкурсной массы. Практика применения соответствующих норм законодательства о банкротстве весьма обширна. Обращаем внимание на следующие позиции ВС РФ по данной тематике.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.09.21 № 306-ЭС19-5887(3)

В данном деле суд обозначил обстоятельства сделки, свидетельствующие о том, что активы проданы с целью их вывода из конкурсной массы:

- заключение сделки в период подозрительности;
- заниженная цена продажи;
- аффилированность сторон сделки;
- условия спорных договоров предоставляют покупателю чрезмерные привилегии (выгодную рассрочку без обеспечения), что возможно только при доверительных отношениях сторон.

Фабула дела. В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) организации (далее — должник) ее конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными шести договоров купли-продажи недвижимого имущества.

Активы переданы по актам приема-передачи, оплата произведена, осуществлена государственная регистрация перехода права собственности, что не оспаривается сторонами.

Мнение суда первой инстанции. Удовлетворяя заявление, суд исходил из реализации должником имущества без какой-либо экономической целесообразности по явно заниженной цене на крайне невыгодных для должника условиях (с предоставлением рассрочки от восьми месяцев до двух лет и без обеспечения до полной оплаты его стоимости). Судом в том числе принято во внимание, что общество создано за десять дней до заключения первого договора купли-продажи, а спустя непродолжительное время после приобретения спорного имущества общество передало его в аренду компании с установлением арендной платы, значительно превышающей стоимость приобретения. Все объекты инженерной инфраструктуры, реализованные должником, сданы в эксплуатацию и зарегистрированы непосредственно перед заключением сделок, то есть являлись новыми.

Суд также установил фактическую аффилированность сторон оспариваемых сделок, отметив, что общество не могло не знать о неплатежеспособности должника на момент заключения спорных договоров.

Мнение судов апелляционной и кассационной инстанций. Отменяя судебный акт суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, счел недоказанным наличие оснований для признания сделок недействительными. При этом судом учтено выявление обществом в процессе эксплуатации инженерных сетей существенных недостатков, в том числе скрытых, что повлекло необходимость ремонта и компенсации обществом соответствующих затрат, произведенных компанией (ликвидация аварийных ситуаций, повлекших значительное разрушение инженерных сетей, повреждение имущества; ежемесячное техническое

обслуживание объектов инфраструктуры, сдаваемых в аренду). Суд также указал на отсутствие надлежащих доказательств неравноценности сделок и аффилированности сторон, отметив, что ходатайств о назначении судебной экспертизы с целью определения стоимости отчужденных объектов не заявлялось.

Мнение ВС РФ. Требование удовлетворено, поскольку совокупность установленных обстоятельств спора убедительным образом свидетельствовала в пользу того, что отчуждение имущества было осуществлено по заниженной цене и направлено на вывод активов из конкурсной массы; ответчик не привел доводов о наличии у имущества таких характеристик, которые бы существенно изменяли его стоимость в меньшую сторону.

ВС РФ указал: «На момент заключения договоров должник обладал признаками неплатежеспособности, что установлено судами первой и апелляционной инстанций.

При оценке приведенных конкурсным управляющим доводов значимым является выяснение вопроса о равноценности встречного предоставления по сделкам со стороны покупателя, то есть о соответствии согласованной договором купли-продажи цены имущества его реальной (рыночной) стоимости на момент отчуждения.

Рассматривая вопрос о несоответствии цены отчужденного должником имущества, согласованной с обществом в договорах, его рыночной стоимости, суд первой инстанции принял во внимание, что общество, не осуществляя эксплуатацию объектов инфраструктуры, по мере приобретения имущества передавало его в аренду компании с установлением в договорах аренды стоимости спорных объектов, в несколько раз превышающей стоимость их приобретения. <...>

В ситуации, когда доход от передачи имущества в аренду, полученный в пределах непродолжительного периода после отчуждения имущества, превышает стоимость такого имущества, следует исходить из того, что отчуждение, скорее всего, было осуществлено по заниженной цене.

Судом также установлено, что отчуждение имущества осуществлено в пользу общества, созданного незадолго до заключения оспариваемых сделок и имеющего тот же юридический адрес, что и должник. Кроме этого, договоры от 10.03.17 и 16.10.17 со стороны общества в качестве директора были подписаны Б., который в период с 13.06.13 по 29.06.16 осуществлял полномочия руководителя должника. Помимо этого, аффилированность должника и общества прослеживается через С. (руководителя общества, подписавшего четыре договора об отчуждении недвижимого имущества).

Следует также отметить условия договоров купли-продажи, существенно отличающиеся от обычно применяемых независимыми участниками гражданского оборота (предоставление рассрочки от восьми месяцев до двух лет без

обеспечения до полной оплаты стоимости имущества), что, как правило, возможно только при наличии доверительных отношений между продавцом и покупателем.

Совокупность установленных обстоятельств спора и приведенных конкурсным управляющим доводов убедительным образом свидетельствовала в пользу того, что отчуждение имущества, скорее всего, осуществлено по заниженной цене и направлено на вывод активов из конкурсной массы. Бремя их опровержения подлежало переложению на ответчика, настаивавшего на действительности сделок».

В рамках процедуры банкротства сделки должника могут оспариваться как подозрительные — по нормам статьи 61.2 Закона о банкротстве, в том числе как совершенные при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной (например, если цена существенно отличается в худшую для должника сторону).

Когда цена сделки должна вызывать подозрение у контрагента? Ответ найдем **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.12.21 № 305-ЭС21-19707**.

Суд указал, что необъяснимое двукратное или более отличие цены договора от рыночной должно вызывать недоумение или подозрение у любого участника хозяйственного оборота.

Фабула дела. Юридическое лицо (должник) продало гражданину нежилое помещение по цене 123 000 000 рублей.

Как впоследствии установлено судебно-экспертной оценкой, рыночная стоимость спорного помещения на тот период составляла 194 281 404 рубля при нижней границе оценочного диапазона 161 901 170 рублей. То есть разница в цене приобретения и рыночной стоимости составила около 30 процентов.

При совершении сделки покупатель удостоверился на основе выписки из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) в наличии у продавца права собственности на нежилое помещение, отсутствие на него обременений, а также убедился в одобрении крупной сделки единственным участником общества. Оплата покупки производилась путем открытия покупателем покрытого безотзывного аккредитива на всю цену договора в течение трех дней с даты подписания договора. Обязательство по оплате считалось исполненным только после поступления денежных средств на расчетный счет продавца. Передача помещения осуществлялась только после полной оплаты.

Условия договора об оплате покупки гражданин исполнил, после чего в ЕГРН внесены сведения о покупателе как собственнике нежилого помещения. На эту дату также отсутствовали какие-либо обременения данного объекта недвижимости.

Конкурсный управляющий должника оспорил в суде продажу нежилого помещения, полагая, что сделка совершена в целях причинения вреда

имущественным правам кредиторов, в силу чего недействительна по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, статьям 10, 168 ГК РФ.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, в удовлетворении заявления отказано в связи с недоказанностью осведомленности покупателя о противоправной цели сделки.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты нижестоящих судов, не согласившись с ними в вопросе о существенности причиненного кредиторам вреда. Это обстоятельство имело определяющее значение для решения вопроса о том, должен ли был покупатель знать о направленности сделки на причинение вреда кредиторам продавца.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, так как не представлено доказательств заинтересованности другой стороны сделки по отношению к должнику, ее осведомленности как о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, так и о противоправности цели сделки, в том числе об ущемлении сделкой интересов кредиторов должника.

ВС РФ указал: «Осведомленность контрагента должника о противоправных целях сделки может доказываться через опровержимые презумпции заинтересованности сторон сделки между собой, знание об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках его неплатежеспособности или недостаточности у него имущества. При решении вопроса об осведомленности об указанных обстоятельствах во внимание принимаются разумность и осмотрительность стороны сделки, требующиеся от нее по условиям оборота (пункт 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.10 № 63 „О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“).

Иными словами, суду, по существу, следует оценить добросовестность контрагента должника, сопоставив его поведение с поведением абстрактного среднего участника хозяйственного оборота, действующего в той же обстановке разумно и осмотрительно. Стандарты такого поведения, как правило, задаются судебной практикой на основе исследования обстоятельств конкретного дела и мнений участников спора. Существенное отклонение от стандартов общепринятого поведения подозрительно и в отсутствие убедительных доводов и доказательств о его разумности может указывать на недобросовестность контрагента должника.

В данном случае противоправность поведения самого должника при совершении сделки заявителем кассационной жалобы не оспаривалась. Доводы покупателя в целом сводились к его непричастности к целям должника. <...>

Следует отметить, что покупатель осуществлял сделку с должником через посредника (риелтора), а расчеты — через аккредитив, что несвойственно для

оформления сделок по противоправному выводу имущества должников в преддверии их банкротства. К тому же покупатель предпринял обычные меры для проверки юридической чистоты сделки, а убедительных поводов для более углубленной ее проверки не имелось. Покупка оплачена своевременно и в полном объеме. <...>

Судебная коллегия полагает, что критерий кратности превышения цены над рыночной актуален и для настоящего спора. По крайней мере, убедительных доводов, позволивших бы отойти от этих критериев применительно к данному обособленному спору, участниками судебного разбирательства не заявлено. В то же время данный вывод не исключает возможности в иных случаях обосновать применение более низкого критерия, например если объект продажи широко востребован на рынке, спрос превосходит предложение.

Следует заметить, что закон установил достаточно жесткие последствия сделки, признанной недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве: содействие достижению противоправной цели влечет не только возврат покупателем приобретенного им имущества в конкурсную массу должника, но и субординирует требования такого кредитора (пункт 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве). В реальных условиях банкротства, когда нередко не погашаются даже требования кредиторов третьей очереди, такие меры по своей экономической сути приближены к конфискационным. В связи с этим осведомленность контрагента должника о противоправных целях последнего должна быть установлена судом с высокой степенью вероятности.

Применение кратного критерия осведомленности значительно повышает такую вероятность, поскольку необъяснимое двукратное или более отличие цены договора от рыночной должно вызывать недоумение или подозрение у любого участника хозяйственного оборота. К тому же кратный критерий нивелирует погрешности, имеющиеся у всякой оценочной методики.

Иной подход (тем более в его жестком варианте, предложенном окружным судом) подвергает участников хозяйственного оборота неоправданным рискам полной потери денежных средств, затраченных на покупку».

При оспаривании сделки важным критерием является наличие на момент ее совершения просроченной кредиторской задолженности. **Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 30.08.21 № 305-ЭС19-13080(2,3)** указала на момент возникновения у должника обязательств перед кредитором. Датой причинения вреда кредитору считается дата, когда возникло обязательство по возмещению вреда. На это не влияет срок вступления в силу решения суда, подтверждающего вред. Если требования кредиторов возникли до обжалуемой сделки, то ее можно признать недействительной.

Фабула дела. Должник заключил четыре договора дарения, по условиям которых передал своим дочерям доли в праве собственности на квартиры, жилые дома и земельные участки.

Полагая, что указанные сделки совершены в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, а также ссылаясь на мнимость договоров и злоупотребление правом при их заключении, финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании данных сделок недействительными.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Разрешая спор, суды исходили из недоказанности наличия у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделок и цели причинения вреда кредиторам (статья 61.2 Закона о банкротстве). Принимая во внимание установленные судом общей юрисдикции обстоятельства (недоказанность мнимости договоров и недобросовестности должника), суды констатировали, что целью совершения сделок являлось обеспечение несовершеннолетних детей жильем в связи с ухудшившимся здоровьем должника.

Суды также указали, что судебные акты о взыскании с должника убытков в пользу ряда кредиторов не могут быть приняты во внимание, поскольку вступили в законную силу после совершения спорных сделок.

Мнение ВС РФ. Требование в части признания недействительными договоров дарения удовлетворено, в остальной части обособленный спор направлен на новое рассмотрение, так как на момент заключения договоров дарения должник должен был осознавать направленность своих действий на причинение вреда имущественным правам кредиторов, при этом ему было известно о наличии задолженности по договору поручительства перед банком.

ВС РФ указал: «Исходя из положений статьи 1064 ГК РФ и разъяснений, данных в пункте 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.09 № 63 „О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве“, дата причинения вреда кредитору, за который несет ответственность должник в соответствии со статьей 1064 ГК РФ, признается датой возникновения обязательства по возмещению вреда независимо от того, в какие сроки состоится исчисление размера вреда или вступит в законную силу судебное решение, подтверждающее факт причинения вреда и ответственность должника».

Критерий подозрительности может быть применен и в отношении кредиторской задолженности: **определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 09.11.21 № 305-ЭС21-9462(1,2).**

ВС РФ направил спор о включении в реестр требований кредиторов требования, основанного на уступке права, на новое рассмотрение и рекомендовал суду первой инстанции тщательнее подойти к проверке наличия долга перед обществом: провести экспертизу документации и привлечь эксперта должника к участию в деле как минимум в качестве свидетеля.

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось с заявлением о включении задолженности по договору соинвестирования в реестр

требований кредиторов. Требование было приобретено у гражданина на основании цепочки цессий.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Требование включено в реестр требований кредиторов.

Мнение ВС РФ. Обособленный спор направлен на новое рассмотрение, поскольку судами не проведена экспертиза давности изготовления квитанции к приходному кассовому ордеру, подтверждающей факт передачи должнику (инвестору) денежных средств, и подлинности содержащейся на ней подписи, а также подлинности подписи соинвестора в дополнительном соглашении к договору и давности его составления, кроме того, не рассмотрен вопрос о привлечении к участию в деле бывшего руководителя должника, обладающего значительным объемом информации о деятельности должника в спорный период.

ВС РФ указал: «В настоящем случае перед судами стоял вопрос о существовании у должника обязательства перед обществом из договора соинвестирования.

Учитывая, что такое состояние имущественной массы должника, как банкротство, характеризуется недостаточностью средств для удовлетворения требований всех кредиторов, разрешая споры о включении требований в реестр, необходимо тщательно проверять наличие и размер задолженности с тем, чтобы денежные средства от реализации конкурсной массы не были направлены лицу, в действительности кредитором не являющемуся.

В подтверждение возникновения долга общество ссылалось на факт передачи М. (соинвестор) должнику денежных средств в наличной форме, в доказательство чего представлена квитанция к приходному кассовому ордеру от 02.10.08.

Совершение платежа в наличной форме является законным способом расчетов (пункт 1 статьи 140 ГК РФ) и само по себе не свидетельствует о подозрительности такой операции, особенно в ситуациях, когда плательщиком выступает физическое лицо.

Вместе с тем в силу особенностей обращения наличных денежных средств достоверная верификация факта совершения такой операции зачастую затруднительна, что может повлечь возникновение у недобросовестных лиц желания сфальсифицировать соответствующие документы. По этой причине судебной практикой по делам о банкротстве выработаны критерии, позволяющие устранить сомнения в факте совершения платежа (в частности, пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ № 35).

В частности, в этих целях может быть выяснено финансовое состояние плательщика (позволяло ли оно передать должнику сумму в заявленном размере), проведена экспертиза подлинности и давности подтверждающего платеж документа, выяснены обстоятельства, при которых совершался платеж, и т. д. Суд вправе включить в предмет доказывания любые сведения, которые позволят

пролить свет на спорные обстоятельства, устранить имеющиеся у суда убедительные сомнения в реальности операции и принять обоснованное решение.

Однако, разрешая настоящий спор, суд ограничился только затребованием информации о наличии у кредитора (его правопродшественника) финансовой возможности оплатить договор соинвестирования. При этом суд привлек к участию в споре в качестве третьих лиц М. и К. (правопродшественников), то есть лиц, способных подтвердить именно позицию истца. <...>

Приведенные возражения являются убедительными и ставят под сомнение реальность хозяйственной операции по оплате договора, в силу чего они подлежали проверке. Так, суду первой инстанции следовало по существу рассмотреть ходатайство университета о назначении почерковедческой экспертизы, при этом, вопреки выводам суда, отсутствие ходатайства о фальсификации доказательства не препятствует проведению подобной экспертизы. Равным образом, располагая приведенными доводами бывшего руководителя (в отношении которого фактически сделан вывод, что он получал денежные средства от М.), суд апелляционной инстанции должен был рассмотреть его жалобу по существу, поскольку в обратном случае существовал риск нахождения в реестре лица, не являющегося в действительности кредитором. Учитывая наличие у бывшего руководителя значительного объема информации о деятельности должника в спорный период, что помогло бы пролить свет на спорные обстоятельства, он подлежал привлечению к участию в деле, по крайней мере, как минимум в качестве свидетеля.

Приняв доказательства и пояснения третьих лиц только со стороны истца и не проверив по существу контрдоводы возражающих лиц, суды первой и апелляционной инстанций фактически создали ситуацию, при которой процессуальные возможности противоборствующих сторон не были равными, одна из сторон была поставлена в преимущественное положение, что нарушает принципы состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе (статьи 8 и 9 АПК РФ)».

В дополнение к рассмотренным тенденциям также следует учесть следующие позиции ВС РФ, выраженные в принятых в 2021 году судебных актах.

В определении от 06.12.21 № 305-ЭС21-15841 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ напомнила, что взыскатель может неоднократно предъявлять исполнительный лист к исполнению после его возвращения. Указывать причины этих действий он не должен, злоупотребление отсутствует.

ВС РФ указал, в частности, что «Федеральный закон от 02.10.07 № 229-ФЗ „Об исполнительном производстве“ предоставляет взыскателю право неоднократного предъявления к исполнению исполнительного документа после его возвращения, а также право неоднократного отзыва исполнительного документа после возбуждения исполнительного производства, не требуя при этом

от взыскателя указания мотивов своего решения, от которых юридическая судьба совершаемого процессуального действия не зависит.

Неоднократная реализация данного права сама по себе не может быть квалифицирована как злоупотребление правом, о чем ошибочно указано в обжалуемых судебных актах, каких-либо исключительных обстоятельств для подобного вывода судами не установлено».

В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов возможны ситуации, когда «дружественный» с должником кредитор инициирует судебный спор по мнимой задолженности с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения требований в реестр. Подобные споры характеризуются предоставлением минимально необходимого набора доказательств, пассивностью сторон при опровержении позиций друг друга, признанием сторонами обстоятельств дела или признанием иска и т. п. В связи с тем что интересы «дружественного» кредитора и должника совпадают, их процессуальная деятельность направлена не на установление истины, а на иные цели.

В то же время такими судебными актами могут нарушаться права кредиторов, конкурирующих с «дружественным» должнику и имеющих с ним противоположные интересы и, как следствие, противоположную процессуальную позицию.

Согласно правовой позиции КС РФ, изложенной в пункте 6 постановления от 26.05.11 № 10-П, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 18, 46, 55 (часть 3) и 118 Конституции Российской Федерации, обязывающих Российскую Федерацию как правовое государство к созданию эффективной системы защиты конституционных прав и свобод посредством правосудия, неотъемлемым элементом нормативного содержания права на судебную защиту, имеющего универсальный характер, является право заинтересованных лиц, в том числе не привлеченных к участию в деле, на обращение в суд за защитой своих прав, нарушенных неправосудным судебным решением.

В процессе реализации указанной позиции применительно к рассмотрению дел о несостоятельности Президиумом и Пленумом ВАС РФ разъяснены конкретные правовые механизмы обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

К числу таких механизмов относится право конкурсного кредитора и арбитражного управляющего обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование конкурсного кредитора (пункт 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35). Указанный механизм обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в целях наиболее полной его реализации и подразумевает наличие у лица, обращающегося с соответствующей жалобой по делу, в котором оно до этого не принимало участия, права

представить новые доказательства и заявить новые доводы в обоснование своей позиции по спору¹.

¹ Более подробно о практике применения данного механизма см.: *Алухтин Ю. В., Кудинова М. С.* Правовые инструменты защиты прав кредитора в деле о банкротстве // Арбитражные споры. 2020. № 4. С. 76–106.

В 2021 году ВС РФ напомнил о праве кредитора оспаривать судебные акты иных лиц, на которых основаны их требования: **определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.07.21 № 32-КГ21-12-К1**.

Фабула дела. Общество-кредитор обратилось в кассационный суд общей юрисдикции с жалобой на апелляционное определение, полагая, что данный судебный акт послужил основанием для вынесения арбитражным судом решения о признании должника банкротом, а установленная указанным решением сумма задолженности была включена в реестр требований кредиторов, чем нарушены его права и законные интересы как конкурсного кредитора.

Жалоба оставлена без рассмотрения по существу. Кредитор обратился в ВС РФ за отменой названного судебного акта.

Мнение ВС РФ. Определение отменено, вопрос направлен на новое кассационное рассмотрение, поскольку судом кассационной инстанции не учтено, что на момент подачи кассационной жалобы в кассационный суд общей юрисдикции требования были включены в реестр требований кредиторов должника, заявитель являлся конкурсным кредитором и обладал правом на обжалование судебного акта.

ВС РФ указал: «В Обзоре судебной практики ВС РФ № 3 (2015), утвержденном Президиумом ВС РФ 25 ноября 2015 года, разъяснено, что Закон о банкротстве в пункте 2 статьи 71, пункте 3 статьи 100 наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 10 статьи 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Из приведенных норм права и актов их толкования следует, что, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами ГПК РФ.

Право оспорить судебный акт, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, является особым средством защиты, предоставляемым по специальному основанию строго определенному кругу лиц, в том числе конкурсным кредиторам, и подразумевает проверку их доводов, изложенных в апелляционных или кассационных жалобах, по существу в пределах полномочий соответственно суда апелляционной или кассационной инстанции. То обстоятельство, что процедура банкротства введена в отношении должника после принятия оспариваемого судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, само по себе не лишает другого кредитора права на обжалование этого акта».

Конкурсный кредитор, используя право оспорить чужой судебный акт или обратиться в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения о включении требований в реестр, должен соблюдать установленные законодательством сроки. Об этом напомнила **Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в определении от 09.12.21 № 305-ЭС19-23391(13)**.

Фабула дела. В рамках дела о банкротстве общества кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о пересмотре определения от 16.11.18 о включении в реестр требования банка по вновь открывшимся обстоятельствам. Вновь открывшимися обстоятельствами заявитель считал факт того, что банк является аффилированным по отношению к должнику, а также контролирующим должника лицом.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, заявление удовлетворено, определение от 16.11.18 отменено по новым обстоятельствам, назначено судебное заседание по рассмотрению вопроса обоснованности требования банка.

Банк обратился в ВС РФ с кассационной жалобой, в которой просил обжалуемые судебные акты отменить.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, поскольку установлено, что трехмесячный срок на подачу заявления о пересмотре судебного акта кредитором пропущен.

ВС РФ указал: «Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 30 постановления Пленума ВАС РФ № 35, срок для апелляционного и кассационного обжалования кредитором судебного акта по установлению требования другого кредитора исчисляется для него по общим правилам; непредъявление им своего требования в процедуре наблюдения или в ходе иной процедуры до рассмотрения требования другого кредитора само по себе не является достаточным основанием для восстановления пропущенного им срока.

Данное разъяснение применяется в том числе и к заявлениям кредиторов о пересмотре судебных актов, которыми включены требования иных кредиторов, по новым либо вновь открывшимся обстоятельствам.

Приведенное разъяснение основано на принципе состязательности, согласно которому лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (часть 2 статьи 9 АПК РФ). Применительно к банкротству это означает, что кредитор, имевший возможность заявить об установлении своего требования в начале процедуры и не воспользовавшийся такой возможностью, несет риск пропуска общих процессуальных сроков при обжаловании (пересмотре) судебных актов по иным обособленным спорам, то есть факт позднего обращения в дело о банкротстве сам по себе не предоставляет ему право требовать продления либо восстановления таких сроков. Это обусловлено также и тем, что подобный кредитор, по сути, действует как представитель гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов в деле о банкротстве, в силу чего сроки исчисляются исходя из осведомленности такого сообщества.

Соответственно, суды при выяснении того, когда кредитор обратился с заявлением об установлении своего требования, ознакомился с материалами дела и спустя какое время направил заявление о пересмотре определения от 16.11.18, фактически исследовали обстоятельства его субъективной осведомленности, которые не имеют значения для правильного разрешения спора.

При установлении того, соблюден ли кредитором трехмесячный срок, предусмотренный частью 1 статьи 312 АПК РФ, необходимо было принять во внимание, когда кредитор, вовремя заявивший свои требования в деле о банкротстве, должен был узнать об обстоятельствах, подтвержденных судебными актами, на которые ссылался кредитор. Среди прочего он отмечал, что аффилированность должника с банком подтверждается определениями от 05.02.19 и от 12.02.19, вынесенными по настоящему делу. Следовательно, с учетом факта возбуждения дела о банкротстве и введения наблюдения в 2018 году кредитор, вовремя предъявивший свое требование к должнику, имел возможность узнать о фактах, подтвержденных определениями от 05.02.19 и от 12.02.19, по крайней мере, не позднее даты их вынесения.

Поскольку кредитор обратился в суд только 11.06.20, трехмесячный срок на подачу заявления о пересмотре им очевидно пропущен, в силу чего оснований для пересмотра и отмены определения от 16.11.18 у судов не имелось».

Еще одним механизмом защиты прав кредиторов, о котором более подробно можно прочитать в статье Ю. В. Апухтина и М. С. Кудиновой «Правовые инструменты защиты прав кредитора в деле о банкротстве»², является отстранение арбитражного управляющего.

² Апухтин Ю. В., Кудинова М. С. Указ. соч.

Интересной в данном контексте представляется позиция **Арбитражного суда Уральского округа**, изложенная в постановлении от 13.12.21 по делу № А71-18190/2017.

Фабула дела. В арбитражный суд обратился конкурсный кредитор общества с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего, выразившиеся в игнорировании требования, непредоставлении кредитору запрашиваемых документов, указанных в требовании, а также в необращении в арбитражный суд с заявлением об оспаривании сделок должника. Также кредитор просил отстранить конкурсного управляющего от исполнения обязанностей.

Мнение судов первой и апелляционной инстанций. В удовлетворении жалобы кредитора на действия (бездействие) конкурсного управляющего и ходатайства об отстранении его от исполнения обязанностей конкурсного управляющего отказано.

Мнение суда кассационной инстанции. Судебные акты отменены, обособленный спор передан на новое рассмотрение, так как не выяснено, свидетельствует ли неоспаривание сделок о недобросовестности управляющего или же управляющий проанализировал деятельность должника за соответствующий период и не нашел оснований для обращения в суд.

Суд указал: «Вместе с тем судами не учтено, что прежде всего арбитражный управляющий как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, а не кредиторы должника, планирует и реализует меры, направленные на пополнение конкурсной массы (в частности, с использованием механизмов оспаривания сделок должника).

Суды не учли, что законодательство о банкротстве, определяя круг обязанностей конкурсного управляющего, не допускает возможность принятия им произвольных и немотивированных управленческих решений в отношении оспаривания сделок. Независимый характер деятельности арбитражного управляющего (абзац второй пункта 2 статьи 20.2 Закона о банкротстве) не предполагает наличие у него самостоятельного интереса в исходе дела о банкротстве. Управляющий действует в интересах гражданского правового сообщества, объединяющего кредиторов, и должника, поэтому он не может уклониться от анализа сделок и обстоятельств их совершения вместе с фактами, сообщаемыми кредитором. <...>

...дополнительного выяснения требуют мотивы и причины отказа управляющего от предоставления кредитору документов и сведений по сделкам; необходимо выяснить, свидетельствует ли неоспаривание соответствующих названных в запросе кредитора, адресованного управляющему, и в его заявлении в суд сделок о недобросовестности управляющего, продиктованной нежеланием действовать вразрез с интересами ликвидатора, который от лица общества-должника и заключал спорные договоры, или же управляющий действительно

проанализировал полностью и всесторонне хозяйственную деятельность должника за предшествующий возбуждению дела о банкротстве период и не нашел оснований для подачи соответствующего заявления в суд, при этом судам необходимо установить, в каком из документов, представленных управляющим в суд и надлежащим образом раскрытых перед конкурсными кредиторами должника, отражены результаты анализа сделок».

Суд делает вывод о том, что при решении вопроса об утверждении, отстранении арбитражного управляющего следует исключить несоответствие интересов между ним, с одной стороны, и должником и/или кредиторами, с другой стороны.

Вопрос об ответственности арбитражного управляющего рассмотрен и **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27.12.21 № 302-ЭС17-11347(10)**, в котором суд допустил отстранение управляющего, не зарезервировавшего средства от продажи заложенного имущества в счет требований ФНС, которые в тот момент еще не были включены в реестр требований кредиторов.

Фабула дела. В период рассмотрения требования уполномоченного органа проводились торги по реализации части имущества компании, в ходе которых залоговый кредитор принял решение об оставлении данного имущества за собой, перечислив на специальный счет должника денежные средства. Параллельно с этим конкурсный управляющий оспаривал решение о привлечении компании к ответственности за совершение налогового правонарушения, на котором было основано требование ФНС.

Конкурсный управляющий, не дожидаясь рассмотрения вопроса об обоснованности требования налогового органа второй очереди, вернул денежные средства залоговому кредитору.

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. В удовлетворении жалобы ФНС на действия конкурсного управляющего отказано. Суды исходили из того, что на момент распределения выручки от реализации заложенного имущества не был принят судебный акт о включении требований уполномоченного органа в реестр требований кредиторов компании. Статьей 138 Закона о банкротстве не предусмотрена возможность резервирования денежных средств, а положения пункта 6 статьи 142 названного закона не применимы к процедуре расчетов за счет выручки от реализации заложенного имущества. Кроме того, суды констатировали, что конкурсное производство в отношении компании не завершено, а потому не утрачена возможность удовлетворения требований ФНС, относящихся ко второй очереди, за счет иного имущества.

Мнение ВС РФ. Дело в части направлено на новое рассмотрение, поскольку не установлено, действовал ли конкурсный управляющий в ситуации правовой неопределенности в отношениях, связанных с порядком расчетов при реализации

заложенного имущества, в том числе по причине отсутствия единообразия в применении законодательства, добросовестно и разумно.

ВС РФ указал: «Порядок расчетов с кредиторами за счет средств, вырученных от реализации имущества, заложенного в обеспечение требования конкурсного кредитора по кредитному договору, урегулирован пунктами 2 и 2.1 статьи 138 Закона о банкротстве. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 138 Закона о банкротстве из суммы выручки от реализации предмета залога 80 процентов направляется на погашение требований залогового кредитора, 15 процентов — на погашение требований кредиторов первой и второй очереди (при недостаточности иного имущества должника для погашения этих требований), оставшиеся 5 процентов — на погашение названных в законе видов текущих платежей.

Статья 138 Закона о банкротстве не содержит каких-либо специальных норм, закрепляющих правила поведения на случай, когда на момент начала распределения выручки имеются неразрешенные в установленном порядке разногласия по заявленному требованию кредитора первой или второй очереди, что позволяет применять к таким отношениям общие положения пункта 6 статьи 142 Закона о банкротстве: в этом случае конкурсный управляющий обязан зарезервировать денежные средства в размере, достаточном для пропорционального удовлетворения спорного требования кредитора.

Вывод судов об обратном ошибочен. Статья 138 Закона о банкротстве не является специальной по отношению к пункту 6 статьи 142 названного закона, поскольку она не признает условия общей нормы неприменимыми, не содержит положений, отличных от тех, что закреплены в общей норме, не дополняет и не детализирует общую норму.

Кроме того, согласно пункту 2 статьи 138 Закона о банкротстве 15 процентов выручки расходуется на погашение требований кредиторов первой и второй очереди лишь при недостаточности незаложенного имущества должника для их погашения. При этом в банкротстве цена незаложенного имущества должна формироваться на торгах исходя из объективно действующих рыночных механизмов, на основе спроса и предложения. Эта цена обладает большей точностью по сравнению с ценой, определенной оценщиком, которая, несмотря на наличие экономических оснований, образует условную величину. Поэтому, если иное явно не следует из обстоятельств дела, до момента фактической реализации незаложенного имущества вопрос о том, хватит ли этого имущества для проведения расчетов с кредиторами первой и второй очереди, не всегда может быть разрешен с высокой степенью достоверности. В таком случае посредством резервирования 15 процентов выручки от реализации заложенного имущества до момента устранения неопределенности относительно действительной цены незаложенного имущества достигается баланс прав залоговых кредиторов и кредиторов первой и второй очереди: первые приобретают реальную возможность получить залоговое приоритетное удовлетворение за счет резерва, если

имевшиеся к моменту продажи предмета залога требования кредиторов первой и второй очереди впоследствии будут погашены за счет незаложенного имущества, последние — подлинные гарантии удовлетворения в пределах суммы резерва на случаи изменения конъюнктуры рынка (падения спроса на незаложенное имущество), несовпадения предварительной оценки с ценой заключенной на торгах сделки и т. п.

В рассматриваемом случае суждение судов о том, что имеется возможность удовлетворения требований ФНС, относящихся ко второй очереди, за счет иного имущества компании, основано на предположении, не подкрепленном ссылками на какие-либо объективные данные. Соответствующие доказательства не исследовались и не оценивались судами. Сам управляющий, направив часть 15-процентной суммы на погашение требований кредиторов первой и второй очереди, включенных в реестр по состоянию на 02.03.18, подтвердил недостаточность незаложенного имущества для расчетов с такого рода кредиторами».

О сроках привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности указано **в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.12.21 № 305-ЭС21-13497.**

ВС РФ признал, что арбитражный управляющий может быть привлечен к административной ответственности за неправомерные действия, совершенные во время процедуры банкротства, но не после ее окончания.

Фабула дела. Процедура конкурсного производства в отношении должника прекращена в связи с отказом единственного кредитора от требований. После чего арбитражный управляющий, уже не являясь конкурсным управляющим должника и не имея соответствующих полномочий, незаконно провел собрание кредиторов, допустив к голосованию по вопросам повестки дня лиц, не обладающих правом голоса.

Должник обратился в административный орган с жалобой на действия своего бывшего конкурсного управляющего. Административный орган составил протокол и обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении управляющего к административной ответственности, предусмотренной частью 3.1 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ).

Мнение судов первой, апелляционной и кассационной инстанций. Удовлетворяя заявленные требования и привлекая управляющего к административной ответственности по части 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ, суды пришли к выводу о том, что он допустил нарушения статьи 52, пункта 2 статьи 127, пункта 1 статьи 129 Закона о банкротстве.

Мнение ВС РФ. В удовлетворении требования отказано, поскольку неисполнение (ненадлежащее исполнение) арбитражным управляющим обязанностей, установленных Законом о банкротстве, обязательность исполнения

которых предусмотрена названным законом в рамках дела о банкротстве должника, в том числе после завершения конкурсного производства, конкурсному управляющему не вменяется.

ВС РФ указал: «Обязанности арбитражного управляющего определены Законом о банкротстве, положения которого предусматривают привлечение арбитражного управляющего в дело о банкротстве должника для проведения соответствующих процедур банкротства.

Таким образом, для определения арбитражного управляющего как субъекта ответственности в рассматриваемом случае значение имеет не факт нахождения арбитражного управляющего в реестре арбитражных управляющих, а неисполнение арбитражным управляющим обязанностей (в том числе ненадлежащее исполнение обязанностей) в период процедуры банкротства конкретного должника».